

ВРАЧ

В журнале «Русский язык в школе» (1968, № 5) напечатана заметка «Происходит ли существительное *врач* от слова *врагъ*?». По мнению автора заметки, слово *врач* образовано не от современного *врагъ* 'лгать, говорить неправду', а от того же слова (врати > врать, врачъ > врач) в его старом значении 'говорить': «врачи... сопровождали свое лечение какого-нибудь недуга словом, заклинаниями, заговаривали боль».

Однако мы нигде не обнаруживаем написание *врачь*, несмотря на то, что слово *врачь* (в таком написании) известно из памятников старославянской письменности с X—XI веков, то есть с того времени, когда буквами *ѣ* и *ь* обозначали живые звуки. А этот факт — свидетельство того, что слова *врачь* не существовало, а с самого начала известно только написание *врачь* (произносилось [*врачѣ]: э — ослабленный звук, средний между *е* и *и*).

Врачь широко употреблялось в памятниках старославянской письменности, до сих пор оно существует в болгарском языке — *врач* 'колдун' и сербском — 'прорицатель'. Принадлежность рассматриваемого слова южнославянским языкам с древних пор не подлежит сомнению. Полагают, что корень у слова *врачь* тот же, что и в немецком Wort и латинском verbum 'слово', то есть все они произошли от корня ver-/vor- 'говорить'.

Сочетанию звуков *or-/er* между согласными в латинском, немецком и других языках в южнославянских соответствует *ra-/re-* (в болгарском на месте *-re-* может быть и *-ря-*), например: немецкое Wort и болгарское *брада* 'борода'; литовское *gatdas* 'огород', болгарское *град* 'город'; первоначально 'огороженное место'; немецкое Berg, болгарское *бряг*, но на берега и т. п. Таким образом, *врачь* могло получиться из первоначального *vork-, давший *vrak-. В славянских языках звук [к] перед *j* или *ь*, *и*, *е* переходил в [ч], ср. древнерусские: плак-а-ти — плачь (из *plakъj); клик-а-ти — кличь (из *kli-kъj); (на)рек-а-ти — рѣчь (из *rek-ь) и т. д. Поскольку *врачь* оканчива-

лось на *-ь* (из *-jъ*), то *vorkъj, естественно, — *врачь*.

В русском, подобно *городъ* вместо *градъ*, *борода* вместо *брада*, *сторона* вместо *страна*, слово *врачь* должно бы звучать *ворочъ*, но ни в русском, ни в украинском, ни в белорусском языках такого слова в значении 'медик, лекарь' нет и не было. Поэтому справедливо считают, что в русском языке *врач* в значении 'медик, лекарь' — церковнославянизм.

Показательно и то, что в южнославянских языках, в которых слово *врач* активно употребляется, отсутствуют слова с этим корнем: *врати*, *вратачи*, *врачати* и т. п. в значениях 'колдовать', 'ворожить', 'мудрствовать' и т. д. Не может быть, чтобы при наличии слова *врач* отсутствовали те, от которых оно образовалось. Вот почему исследователи считают, что южнославянскими языками *врач* заимствовано.

Русское же слово *врагъ* (его нет в украинском и белорусском языках) появляется в памятниках письменности только с XVI века в значении 'болтать небывлицу', 'говорить пустяки': «А онъ мужикъ очюнной вретъ и самъ себѣ не вѣдаетъ что» (А он мужик очумелый болтает и сам не знает о чем) — Из письма Ивана Грозного. 1578; «Государь велѣлъ сказать, что онъ вракаетъ» (Царь велел сказать, что он несет небывлицу) — запись 1613 года в Разрядных книгах.

В русских говорах от *вракать* образовано *врач* 'вражь', 'обманщик': «Не слушай его, врачъ такую» (запись живой речи крестьянина-сибиряка. 1907). От *врач* по типу *драчун-крикун*, *болгун* и т. д. образовано *врачун* 'шутник, пустомеля' (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852). Но в этом значении *врач* не имеет никакого отношения к старославянскому *врачь* 'лекарь'.

Можно предположить, что русское *врачь* — пересмысление древнего *върѣти* 'кипеть, кипятить' так же, как в говорах от древнего *варно*, *варный* 'знойно, знойный, палящий' образовано *варнак*, а от последнего — *варничить* 'кипятить' и 'болтать пустое, врать'.

М. Фасмер допускает, что *врач* возможно от *врагъ* и *ворчать*. *Ворчать*, *ворковать* — звукоподражатель-

ные слова, они есть в любом славянском языке, но звучат несколько различно. В древнерусском — это *върчати*, *върковати*, в чешском — *vrkati*, *vrseti*, в болгарском — *врча* и т. д. Из основы этих слов не могло получиться (**vorčjъ* > **včašъ*) русское слово *врач*.

Итак, происхождение слова *врач* пока остается неясным, поэтому вряд ли можно говорить о нем так утвердительно, как это сделано в указанной заметке.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРИСТАВКА ТРЕ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

В журнале «Русский язык в школе» (1968, № 5) сообщается, что в трех словах *треволение*, *трезвон*, *треклятый* начальное *тре-* — приставка, а в словах *трезуб*, *треножник*, *треух* — это корень числительного *тр-* и соединительная гласная *-е-*. «Так что,— пишет автор статьи „В мире слов“,— надо учитывать, что *тре-* — *тре-* разнь. В своей нерегулярной исключительности приставка *тре-* не является исключением, как можно думать. В современной префиксальной семье есть и другие нерегулярные приставки (ср. *ку-* в *кулекать*, *сюр-* в *сюрреализм*)». Еще В. И. Даль в „Толковом словаре живого великорусского языка“ заметил, что *тре-* — слитная частица перед прилагательными, означающая тройственность, или высшую превосходную степень *пре-*, *нац-*, как бы утворя качество».

Все слова с начальным *тре-* в прошлом представляли кальки с греческих слов, например: *трезубиць*, *трыногъ*, *трыгълънъ* (=треугольный), *трыблагенъ*, *трыклять* и т. д. Отсюда ясно, что славянское *тры-* — передача греческих *tri* или *tris* от *triá*, *triás* 'три'. В старославянском в мужском роде было *трие* и *трые*, в женском — *три*, а в косвенных падежах и того и другого рода обычно: *трыхъ*, *трымъ*, *трыми*. Таким образом, основа числительного *тры-* вошла в состав сложных слов *трызубиць*, *трыблагенъ*, *трывдичествиъ*, *трыклять* и т. д. После падения редуци-

рованных в таких словах *ь* стал звучать как [e], отсюда *трезубец*, *треволение*, *треклятый*, а также и *третий*.

Говоря иначе, *тре-* в словах *треклятый*, *треволение*, *треножник*, *треух* и т. д. — по происхождению числительное и никакого соединительного гласного *e* нет. Почему автор статьи «В мире слов» отделяет *тре-* в *треклятый* от *тре-* в *треножник* — не ясно. По христианской морали, *проклясть трижды* — это значит окончательно, навсегда, отсюда понятно значение 'окончательно проклятый', но слово *треножник* воспринимается более конкретно — 'имеющий три ножки'. Некоторая абстрагированность *тре-* в словах *треволение*, *треклятый* и т. п. объясняется присоединением этого числительного к словам с абстрактным значением — и только.

Таким образом, нет основания искусственно разводить *тре-* в словах *треножник*, *треух* и т. п. и *тре-* в *треволение*, *трезвон*.

ПРОХИНДЕЙ

Кажется, не ранее 40-х годов XX столетия писатели и журналисты стали использовать слово *прохиндей* в значении 'проходимец', 'ловкий мошенник', 'члут'. В словарях оно пока отсутствует, поэтому вопрос о его происхождении вполне закономерен.

Приведем сначала примеры, иллюстрирующие употребление этого слова: «Долгополов важно восседал в тарантасе вместе с Руничем... У него за пазухой изрядный гаманец (кошелек.— А. Л.), набитый золотыми имперIALами — подарок матушки царицы... А впереди крупная богатейшая получка! Только бы не сорвалось. „С нами бог! — мысленно восклицает, полный упования, прохиндей.— Деньги ваши — будут наши. Не впервой!“ (Шишков. Емельян Пугачев. Глава «Прохиндей по следам царя»); «Вряд ли потребуется армия ораторов для того, чтобы развеять нелепый миф о чудодейственной здравнице под Загорском. Никакая это не здравница, а просто омут, возле которого ловят простаков в свои сети прохиндей и охмурыля» («Правда», 20 апреля

ТОПОНИМЫ И НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Топонимы как совокупность названий населенных пунктов входят в словарный состав языка, именно в ономастику (совокупность имен собственных), представляя в ней особую группу.

Топонимы как имена собственные отличаются от нарицательных существительных. Свообразие их по сравнению с нарицательными проявляется на разных уровнях языка.

Если взять для сравнения топонимы и нарицательные существительные одного смыслового круга, например номенклатурные названия населенных пунктов, то можно заметить, что последние

1958); «Он жил теперь уже не как муж, а квартирант, этот воронежский прохиндей с московской пропиской» («Московская правда», 9 декабря 1962); «Прохиндеи. Всякий раз, когда задерживали Заславского, Голубева, Кабачникова, они притворно хныкали, давали клятвы исправиться, просили прощенья» («Комсомольская правда», 1 июня 1963); «А мои коллеги распознали одного прохиндея по манере располагать на конверте адрес» («Наш современник», 1963, № 6); «Около автобуса уже крутился завклубом Илья Дегтярев, большой прохиндей и лодырь» (Шукшин. Внутреннее содержание).

Обнаруживаем и форму *прохиндейство*, образованную так же, как *злодейство* от *злодей*, *лихойдейство* от *лихойдей*, *прелюбодейство* от *прелюбодей* и т. д.

Когда

в тупом благоденствии
мозолит глаза

прохиндейство,

мне хочется в заросли девственные,
куда-нибудь,

хоть к индейцам.

Е в т у ш е н к о. Братская ГЭС

Любопытны рассуждения литературного критика А. Макарова: «Слово *прохиндейство* — великопепное народное слово, распространено на моей родине среди тверяков и в ли-

тературу введено тоже тверяком Вячеславом Шипковым (словца этого и у Даля не найдешь). В народной среде оно употребляется, когда говорят о человеке ловком и изворотливом, но говорят с оттенком юмора и даже некоторого любования» («Знамя», 1965, № 10).

Возможно *прохиндей* — народное слово, но *прохиндейство* едва ли употребительно в устной речи тверяков, потому что слова с суффиксом *-ство* более употребительны в литературном, книжном языке. Известно это слово и в звучании *прохиндей*: «Прохиндеи, — говорят о них бывшие друзья по учебе, по спорту, — настоящие прохиндеи. Меткое, но какое обидное для советского юноши прозвище!» («Комсомольская правда», 16 июля 1953).

Между прочим, *прохиндей* впервые зафиксировано в «Опыте областного великорусского словаря» (1852): «*Прохиндей*... притворщик». Твер. Корчев...). Профессор И. А. Бодуэн де Куртене, готовивший и редактировавший «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля к третьему изданию, включил туда и слово *прохиндей* (1904—1909). Таким образом, свидетельство А. Макарова и «Опыта областного великорусского словаря» о тверском происхождении слов *прохиндей* и *прохиндей* совпадают.

На первый взгляд эти слова сложные, вторая часть которых — *дей*

обозначают однородные объекты и соотносятся с топонимами через общее понятие, выделяющее основные признаки объекта.

Слова *город, село, деревня* обозначают любой населенный пункт данного типа. А топонимы *Москва, Тула, Сомово, Песочня* — это названия отдельных населенных пунктов и соотносительны они с какими-то вполне определенными единичными понятиями. Например, *Тула* — населенный пункт городского типа; с топонимом *Тула* ассоциируется производство самоваров, ружей, тульских пряников и проч. Итак, раскрывая содержание топонима, мы знакомимся с некоторым конкретным объектом. Между тем значение нарицательного имени мы устанавливаем, усваивая содержание общего понятия об однородных предметах, объектах, обозначаемых данным именем.

Соотнесенность топонима с единичным объектом препятствует переводу его на другой язык. Обычно язык лишь слегка прилагивает на свой лад звуковой и морфологический облик чужого назва-

(древнерусское *-дѣти*) 'действующее лицо' — от глагола *дѣяти* (дѣи-а-ти): добродѣи — 'делающий добро'; злѣодѣи — 'делающий зло'; кознодѣи — 'творящий козни'; лиходѣи — 'желающий зла, лиха'; чародѣи — 'волшебник' и т. п. Эти слова образованы с помощью соединительного гласного *о*. В словах *прогондѣи* и *прохиндѣи* нет соединительного гласного. Они похожи на *халдѣи* 'нахал, наглец' (Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858), которое, надо полагать, образовано от *халда* 'дерзкий, бестыдный' (Опыт областного великорусского словаря); *горд* — *гордѣи* 'гордец'; *колода* — *колодѣи* 'большой нож с деревянной рукояткой' и другие. В этих словах *-ей* — суффикс.

В таком случае *прогондѣи* образовано от *прогонда*, правда, наличие этого слова нигде не зафиксировано. Не исключено, что *прогонда* от *прохода* так же, как, например, *прокуда* и *прокундант* — оба в значении 'проказник, шутник' (Опыт областного великорусского словаря). Такие образования обычны в жаргонной речи, ср. еще жаргонное *браванда* и обычное диалектное *браванда* — оба в значении 'пиво'; *шенда* вместо *шесть* и т. п. *Прохиндѣи*, по-видимому, могло быть образовано также от *прохинда*, наличие которого тоже неизвестно, хотя *хин-* входит в состав ряда слов: *хинь* — 'пустяки' (орловское); 'без пользы' — „Взял ни за

что, и пошло хинью" (курское); *хинить* — 'хулить, осуждать' (архангельское, вологодское, тверское); *хинарный* — 'лукавый' (исковское) и т. д. (Опыт областного великорусского словаря). Теоретически вполне возможно образование *хинда* по типу *халда*, но, как мы отметили, слово *хинда* нигде не встретилось. Более вероятно, что *прохиндѣи* из *прохиней*, а *д* вставлено по образцу жаргонных слов: *браванда, брындей, шенда* и т. д.

Начальное *про-*, по-видимому, тоже — с отрицательным оттенком, как и в словах *проходимец, пройдоха, пролаза, проныра, прощельга* и т. п., в которых *про-* означает 'насквозь'. Так, *пролаза* — 'тот, кто с недобрыми намерениями всюду входит в доверие'; *пройдоха* — 'способный с плутовскими целями пройти везде' и т. д. Приставка *про-* в словах *прогондѣи* и *прохиндѣи* употреблена в том же значении.

Вероятно, что *прогондѣи*, известное уже более ста лет, и *прохиндѣи* образовались в среде, где обычны в употреблении жаргонизмы.

Как относиться к этим новым в литературном языке словам? Несмотря на то, что не исключена возможность жаргонного их происхождения, осуждать их едва ли имеются основания, так как в определенных стилистических функциях они, нам кажется, вполне уместны.

А. С. ЛЬВОВ